

Последняя сигнальная система «За пределами идеологии» Эндрю Мура в РОСФОТО читает Анна Матвеева

В ОБЪЕКТИВ ЭНДРЮ МУРА очень редко попадают люди, притом что в кадре у него может быть все что угодно — дома, улицы, дворы, поля, заснеженные деревья или живописные помойки. Если не считать редчайших портретов, люди у Мура присутствуют только за кадром, это зритель и сам фотограф. Кажется, он нарочно высвобождает сцену, чтобы дать голос проспектам и садам, театрам и вокзалам, свалкам и радиолокационным станциям. Они выглядят странно и зловеще, словно бы построившие их люди внезапно исчезли, оставив лишь следы поспешного бегства: грузовик на залитом утренним светом лугу военного полигона, одинокий спасательный круг на бортике роскошного бассейна, подъемный кран посередине обезлюдевшей театральной сцены. Когда-то здесь были люди, но теперь их нет, и можно посмотреть на публичные пространства взглядом археолога. Эта дистанция возникает, даже когда Мур снимает вполне благополучные пейзажи. Все как всегда, только без человека, и почему-то понятно, что он сюда уже не вернется.

В своей мании фотограф весьма последователен. Он методично объездил все страны, где останки былой роскоши стали национальным имиджем, в том числе, например, Кубу, Вьетнам и Россию, о которой он выпустил отдельный альбом «По ту сторону утопии». Там нет никакой по-

литики, но ее отсутствие делает еще более ясным политическое свидетельство — Мур отстраненно предлагает зрителю самому сделать выводы насчет империи, истлевшей до археологических материалов. Кризис идеологии и общественного строя, которые любит наблюдать Мур, на

«Кампоамор». Из серии «Куба». 1999

его снимках превращается в личную катастрофу, а археологическое — в психологическое: остатки цивилизации ветшают и разрушаются вдали от людских глаз, и только одинокий сталкер с фотоаппаратом транслирует последние сигналы SOS, идущие с уже ушедшего под воду корабля.

«Донг Суан». Из серии «Вьетнам». 2006

Руины Мура нельзя назвать трагическими: они чрезвычайно сочны и многоцветны, иногда до пестроты. Фотограф наслаждается цветом: то чернота сгоревшего и брошенного кубинского театра, на сцене которого теперь гараж для велорикш, то призрачный свет белой летней ночи на Соловках, с равной бесстрастностью озаряющий и старинные церкви на горизонте, и железное кружево никому уже не нужных радиолокационных вышек на переднем плане (Мур набрел на советскую военную часть). Мур не чужд формальных изысков, исследует цвет и фактуру, упорно снимает на пленку, сканируя каждый кадр и обрабатывая на компьютере. Однако его ненаселенные пейзажи остаются в первую очередь рассказанными историями, произведениями литературы, упакованными в формат фотоснимка. Кому же оценить их по достоинству, как не самой читающей стране.

Государственный центр фотографии (РОСФОТО), с 11 июня до 19 июля

Перепись населением Кораны Дагестана в Эрмитаже рассматривает Ольга Лузина

Фрагмент Корана, переписанного в Иране в 1305 году

САМЫЙ ЮЖНЫЙ российский регион сделался частью мусульманского мира уже в VII веке и в течение многих столетий оставался форпостом на его границе. Горцы считали себя пограничниками ислама и

не просто берегли иноязычные рукописи, но активно их переписывали. Что и оказалось одной из опор местной культуры. Когда сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в середине 1950-х взяли за сельские библиотеки при мечетях и частные книжные коллекции, выяснилось, что даже в предыдущие десятилетия власти не смогли уничтожить богатейший корпус рукописных книг. Сегодня в фонде Института около трех тысяч томов рукописей и огромное число отдельных документов — самая большая коллекция на Северном Кавказе, охватывающая почти тысячу лет, с XI века по 1930-е годы. Здесь труды по мусульманскому праву, истории, логике, филологии, астрономии, медицине, грамматике и лексикологии арабского языка, указы и письма — на арабском, турецком, фарси и ряде местных языков; с XV века начинают преобладать дагестанские авторы. Центральное место в фонде занимают списки Корана, двадцать из которых привозят в Эрмитаж.

Поскольку, как считают мусульмане, Коран надиктовал сам Аллах, переписать его значит сделать богоугодное дело. В исламской иерархии каллиграфия стоит выше живописи, эстетика приравнивается к этике, считается, что красиво писать может лишь тот, чья душа чиста. С этим, кажется, согласны организаторы выставки, назвавшие ее «Торжество святости и красоты». Впрочем, если насчет святости мусульмане придерживаются примерно тех же воззрений, что и тысячу лет назад, то понятие красоты с течением времени все-таки менялось. Так, самый ранний список Корана в рукописном фонде (1009) выполнен Мухаммадом ибн Хусайном ибн Мухаммадом так называемым монументальным почерком «куфи» — резким, тяжеловесным и угловатым. Черные буквы, выведенные короткими жирными линиями, плотно сидят на горизонталях строк. Из них складываются ровные прямоугольники, чье единообразие нарушается только скромными орнаментальными вставками на полях и желтыми заглавиями сур.

Куфическим письмом Коран переписывали до XIII века, затем оно сохранилось в заглавиях, а основное поле покрывали курсивным почерком — мягким, скругленным, более свободно льющимся по строкам, хотя и имеющим строгий геометрический стандарт. Наиболее художественный (если можно так сказать) список в собрании — часть Корана, переписанная Мухаммадом ибн Мухаммадом ибн Ахмадом в 1305 году, скорее всего, в Иране, и подаренная в XVIII веке Надиршахом дагестанскому правителю Сурхайхану Казикумухскому. На огромных, полметра в высоту, страницах просторно разлеглись разноформатные строки, написанные курсивными почерками насх и сульс, а также орнаментальные вставки; в противоположность монотонному квадратному письму XI века, текст XIV века обретает поэтическую воздушность и изящество. На европейский взгляд, более ранний список еще книга, а этот — уже произведение искусства.

Эрмитаж, с 5 июня до 6 сентября